

Благодарности

При написании этой книги я получила поддержку от многих людей и организаций. Финансирование проекта было предоставлено Кембриджским европейским фондом (Cambridge European Trust), Германской службой академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD), Германским фондом академических стипендий (Studienstiftung des Deutschen Volkes), Гёттингенским университетом, а также историческим факультетом Оксфордского университета, Ориел-колледжем и Фондом Джона Фелла (John Fell Fund). Я благодарна всем этим учреждениям. Я также хотела бы поблагодарить сотрудников библиотек и архивов, где я проводила исследования: университетских библиотек Кембриджа, Гёттингена, Мюнстера и Оксфорда, Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки, Библиотеки Российской академии наук, Государственной публичной исторической библиотеки, Баварской государственной библиотеки, Британской библиотеки, Библиотеки школы славянских и восточноевропейских исследований (Университетский колледж Лондона), Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Татарстан, Музея циркового искусства, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Центрального исторического архива Москвы, Музея Бахрушина, Института русской литературы.

Я приношу глубокую благодарность друзьям и коллегам, без чьей помощи я бы не написала этой книги. Хубертус Ян и Сью-

зан Моррисы помогли мне на начальной стадии формирования проекта. Хубертус оказывал мне помощь, когда проект проходил все стадии подготовки докторской диссертации.

Наташа Астрина охотно помогала мне, когда у меня возникали трудности в области русского языка, и без нее, Татьяны Бальцер и Елизаветы Липхардт исследовательские поездки в Москву, Санкт-Петербург и Казань не прошли бы так гладко. Александр и Ольга Астрины всегда оказывали мне гостеприимство в Москве, Зоя Баландина была моей хозяйкой в Санкт-Петербурге. Вместе с Кириллом Битнером и Елизаветой Липхардт Зоя разыскивала тексты по гипнозу, а Гузель Ибнеева, Ляля Хасаншина и Елена Вишленкова помогали мне найти первоисточники в Казани. Татьяна Богдан, Николай Богомолов, Сандра Далке, Вера Дубина, Джеймс фон Гелдерн, Борис Колоницкий, Полли Макмайл и Карен Петроне также помогали мне, отыскивая источники или давая советы.

Ирина Хмельницкая сделала для меня больше, чем можно было ожидать от друга: она предоставила мне жилье в Москве, помогла в работе с архивами и библиотечными фондами, с преодолением бюрократических формальностей, а совместно с Дмитрием Проводиным сделала для меня возможным «исследование на месте».

В Гёттингене Манфред Хильдермайер всегда был готов оказать мне поддержку, а в Оксфорде мои коллеги с исторического факультета и из Ориел-колледжа создали для меня по-настоящему благожелательную атмосферу, всячески способствуя моему проекту.

Многие друзья и коллеги читали черновик работы и отдельные главы на разных этапах подготовки книги. Я хочу поблагодарить Клэр Эшдаун, Доминика Коллета, Бруно Карри, Саймона Диксона, Мюррея Фрейма, Яна Форреста, Майкла Хагемайстера, Джейну Хаулетт, Хубертуса Яна, Эмеше Лаффертон, Карлоса Мартинса, Дэвида Муна, Алекс Оберлендер, Уилла Пули, Бернис Розенталь, Стива Смита, Ника Старгардта и Кристин Уоробес за их ценные комментарии. Эми Фарранто и Сьюзан Бин, редакторы из Northern Illinois University Press, внесли значительный вклад

в улучшение текста, и я также благодарна Мэрлин Миллер за ее тщательную издательскую подготовку английского оригинала.

Русская версия книги не вышла бы без Сергея Козина, аквизитора издательства «Библиороссика», который курировал процесс перевода и благополучно провел рукопись через различные этапы публикации. Я также благодарна Дмитрию Гальцину за прекрасный перевод, за его упорство в поиске оригиналов наиболее труднодоступных цитат и за его терпение по отношению ко мне. Я также хочу поблагодарить Марию Сапрыкину за помощь с математическими терминами. Также я благодарна Ориэл-колледжу, который предоставил щедрое финансирование для этого русского издания.

Тильман Бауэр всячески поддерживал меня все те годы, которые я занималась оккультным в России; я более чем благодарна за его любовь и присутствие в моей жизни. Эта книга посвящается ему.

Введение

В начале 1890-х годов поэт-символист В. Я. Брюсов открыл для себя область оккультного и в 1893 году стал регулярно посещать спиритические сеансы. Несколько раз в неделю он приходил к знакомым, которые собирались в темной комнате, чтобы соприкоснуться с таинственными, сверхъестественными явлениями¹. Эти собрания были так важны для Брюсова, что он писал о них в особой черной тетради с пометой «Спиритические сеансы» и упоминал их в своих письмах². Судя по этим свидетельствам, сеансы не только были для Брюсова средством веселого развлечения и поводом для шалостей в эротическом ключе, но и побуждали его, как мыслителя и художника, к размышлению о реальности, служили источником творческого вдохновения. Брюсов был настолько увлечен спиритуализмом³, что когда он в 1895 году лежал больной в постели, то просил своего друга А. А. Ланга (Миропольского) навестить и развлечь его, добавляя: «Схвати с собой планшетку: попишем и устроим сеанс»⁴. В итоге спиритический опыт Брюсова подсказал ему сюжет романа, повлиял на его поэзию и самовосприятие как художника.

Брюсов, конечно, был выдающимся поэтом, но его энтузиазм по поводу спиритуализма был далеко не исключительным явлением в России того времени. Идеи о мистических и сверхъесте-

¹ Об увлечении Брюсова оккультным см. [Богомолов 1999: 279–310].

² ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 44; Карт. 1. Ед. хр. 12; Карт. 2. Ед. хр. 6.

³ В настоящем переводе применяется термин «спиритуализм». В русских текстах рассматриваемого времени обозначения «спиритуализм» и «спиритизм» были взаимозаменяемы. — *Примеч. пер.*

⁴ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 2. Ед. хр. 6. Л. 50.

ственных силах играли значительную роль в культурном воображении русского общества конца XIX — начала XX века. В то время как Брюсов шел по вечерней Москве к своим единомышленникам, чтобы поучаствовать в сеансе, тем же самым занимались и многие его современники. У нас нет статистики, чтобы определить абсолютное количество людей, которые, так же как и Брюсов, участвовали в оккультных ритуалах в последние десятилетия XIX века и в первые десятилетия XX века⁵. Те, кто писал об оккультных занятиях в письмах, дневниках или мемуарах, преимущественно были высокообразованными мужчинами, однако значительный корпус источников указывает на то, что очень многие их современники разделяли подобные интересы. Распространенное увлечение оккультным отражалось на сфере печати. В 1881–1917 годах в России появилось свыше 30 периодических изданий, посвященных невидимому миру, но оккультное также было заметной темой в мейнстримной печати [Западов, Черпаков 1959; Беляева и др. 1958–1961]. Дешевые брошюры превозносили оккультные техники, а обычные газеты часто докладывали о сверхъестественных происшествиях. В феврале 1893 года, когда Брюсов посещал сеансы в Москве, популярная «Петербургская газета» печатала серию статей о спиритуалистах в столице под названием «Петербургские спириты»⁶. На протяжении двух недель газета рассказывала своим читателям о самых известных столичных оккультистах, явлении привидений, реинкарнации, помощи духов при написании романов, гипнозе, фотографировании призраков, важности для всего этого религии и тесной связи оккультных феноменов с наукой. Серию открывало интервью с В. И. Прибытковым, и о популярности спиритуализма много

⁵ Попытки предоставить статистику касательно энтузиазма населения в отношении оккультного остаются малоубедительными по причине небольшого количества институционализированных групп, которые бы вели подсчет членов, а также отсутствия достоверной информации о числе подписчиков на оккультные публикации и их тиражи. Мария Карлсон, к примеру, дает такие данные, но не говорит об их происхождении [Carlson 1993: 5].

⁶ См. [Вик. П. 1893а; Вик. П. 1893б; Вик. П. 1893в; Вик. П. 1893г; Вик. П. 1893д; Вик. П. 1893е].

говорит тот факт, что обращение к нему как к «официальному» петербургскому спириту, редактору-издателю журнала «Ребус» не нуждалось в разъяснении: читатели газеты хорошо знали и самого Прибыткова, и его журнал [Вик. П. 1893а].

К началу XX века Брюсов стал своим человеком в кругах, которые описывала «Петербургская газета». Он познакомился с Прибытковым в 1900 году, писал статьи для «Ребуса» и подарил издателю журнала «только что вышедшую книжку своих стихов». Брюсов выразил надежду, что Прибытков найдет в последнем отделе, где он говорит «откровенно о своих заветных убеждениях», несколько стихотворений, не совсем чуждых для себя⁷. Прежде чем отправлять письма Прибыткову, Брюсов тщательно над ними работал, оставляя черновики, что показывает, какую важность он придавал этой переписке⁸. Три года спустя, когда он уже почти 10 лет увлекался спиритуализмом, Брюсов настолько высоко ценился ведущими русскими спиритуалистами, что именно ему выпала честь произносить речь на похоронах А. Н. Аксакова, внесшего крупнейший вклад в распространение спиритуализма в России [Александр Николаевич Аксаков 1903а; Александр Николаевич Аксаков 1903б].

Интерес Брюсова к оккультному, его дружба с авторами, издателями и героями публикаций о сверхъестественном указывают на несколько тем, ключевых для настоящего исследования. Предметом этой книги является значение оккультного в частной жизни современников, его роль в массовой культуре. История оккультного мышления и практики в последний период истории Российской империи прослеживается от истоков в частных салонах к общественным дебатам 1870-х годов, за которыми последовало распространение оккультного в массовой культуре рубежа XIX–XX веков. Брюсов не понаслышке знал о разных подходах к сверхъестественному миру. Его знакомство с Прибытковым

⁷ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 72. Ед. хр. 20. Л. 1–1 об.

⁸ Прибытков подчеркивал неравенство между собой и совсем молодым поэтом, постоянно называя его в письмах Валерием Александровичем (а не Яковлевичем) (ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 99. Ед. хр. 38).

и Аксаковым позволило ему войти в контакт с представителями старшего поколения русских спиритуалистов, которые в 1870–1880-е годы пропагандировали свои верования в печати, убежденно настаивая, что оккультные явления можно объяснить научно. Однако сам Брюсов был далек от такого рационального подхода, зато высоко ценил иррациональные ощущения, которые доставляли ему оккультные ритуалы. Помимо спиритических сеансов, он экспериментировал с разными техниками, и такая всеядность с его стороны служит показателем того многообразия проявлений оккультного, которое было характерно для начала XX века.

Популярный оккультизм в Российской империи

В поздней Российской империи оккультизм представлял собой собрание теорий, верований и практик, куда входили спиритические сеансы, квазинаучные теории о математике, рентгеновском излучении и световых волнах, гипноз, упражнения по медитации, теософские дискуссионные группы, телепатия, ясновидение, режимы диеты, молитвы, программы гимнастических тренировок, а также исследование сверхъестественных происшествий в домах. В большинстве текстов того времени оккультное выступало скорее в позитивном ключе: здесь одновременно присутствовали рациональное познание и открытие некоей высшей истины, апеллирующей к чувству. По определению одной энциклопедии, в основе оккультного «лежит двоякое стремление человеческой души — верить и познавать» [Брокгауз и Ефрон 1911–1916, 29: 363]⁹.

Хотя эти практики были многообразны и разнородны, они составляли единую сферу, и не только потому, что современники

⁹ Теологические и социологические определения оккультизма см. в [Campbell 1972; Stenger 1993; Gerlitz, Jansen 1995; Hanegraaff 1996; Faivre 2005; Pasi 2006]. В отличие от Пази, Февра и Оппенхайма, я рассматриваю спиритуализм как часть оккультизма, поскольку современники включали его в эту категорию и он проявляет характеристики оккультной теории и практики, описанные ниже [Oppenheim 1985: 85–102].

определяли их как «оккультные», но и потому, что они были ответом на те же базовые запросы. Одним из таких запросов было общее стремление всех оккультистов исследовать скрытое возвышенное измерение реальности и вступить с ним во взаимодействие [Stenger 1993: 20; Pasi 2006]. Во второй половине XIX века желание объяснить тайные аспекты мира, которые, как многие полагали, были до обидного мало изучены, а также пережить опыт соприкосновения с этой тайной получило свое образцовое выражение в модной практике спиритуализма, или спиритизма. Во время спиритических сеансов — то есть собраний в затемненных комнатах с целью установить контакт с духами умерших — спиритуалисты получали загадочные послания, передаваемые через постукивания или записанные неуклюжим почерком на бумаге; они видели светящиеся искры; наблюдали, как незримые силы передвигают мебель, играют на музыкальных инструментах, оставляют отпечатки нематериальных ступней и ладоней на мягких поверхностях. Все эти феномены поднимали вопросы о том, насколько научное знание способно постичь невидимые силы, об отношении между посюсторонним и потусторонним мирами. Как будет показано в главе 1 настоящей книги, спиритуализм стал распространенной практикой в пореформенной России, сформировавшись внутри аристократической салонной культуры и объединив науку с развлечением. Он позволял современникам исследовать их отношение к смерти в эпоху, когда религиозные идеи о бессмертии были серьезно подорваны научными представлениями, а также давал участникам сеансов интенсивное переживание того факта, что сами они были живы. Кроме того, спиритические собрания давали людям возможность выстраивать образ себя как свободомыслящих исследователей неведомых сторон природы или авангардных художников.

В главе 2 исследуются две области знания, которые, согласно оккультистам, проливали свет на то, как работает скрытая реальность: математика и физиологические идеи о гипнозе. Глава начинается анализом ожесточенной публичной полемики, разразившейся в 1878 году по поводу тезиса о том, что неевклидова геометрия и математика высших измерений способны объяснить

феномены, происходящие на спиритических сеансах. Глава завершается рассмотрением метаморфозы этой в интеллектуальном смысле довольно элитарной полемики в массовое обсуждение оккультной науки, которое в 1880–1890-е годы в основном вращалось вокруг темы гипноза.

Историки и социологи часто утверждали, что оккультизм появился в качестве реакции на развитие науки и распространение материализма, а оккультизм и рациональность представляют собой непримиримые противоположности [Webb 1976; Oppenheim 1985: 2; Hanegraaff 1996; Doering-Manteuffel 2008]. В реальности отношения оккультистов с наукой были сложными и неоднозначными. Они эксплуатировали научные понятия и надеялись, что их теории будут приняты представителями конвенционной науки, потому многие оккультные тексты подчеркивали рациональные качества оккультизма, представляя исследование тайных областей мира как полноправную инновационную научную дисциплину. Сами названия таких журналов, как «Вестник оккультных наук» или «Маг: журнал оккультных наук», предполагали, что оккультное могло быть предметом науки. В брошюрах восхвалялись «профессора тайных наук», делались ссылки на докторские диссертации в этой области, а Прибытков на страницах «Ребуса» утверждал, что оккультизм исследует учения таинств природы [Прибытков и др. 1894: 271]¹⁰.

Усилия оккультистов по снисканию для своих занятий и убеждений ореола научности не были столь уж безуспешными. Спиритуалисты могли указать на то, что некоторые уважаемые ученые пламенно защищали истинность спиритических феноменов. В их числе были химик, член Королевского общества сэра Уильям Крукс, немецкий астрофизик Карл Фридрих Цёлльнер, химик А. М. Бутлеров и зоолог Н. П. Вагнер. Ближе к концу XIX века физиологи все больше стали интересоваться гипнозом — техникой, в которой оккультисты считали себя главными экспертами. Сам факт, что ученые начали изучать такую «таинственную» тему, приветствовался оккультистами как доказатель-

¹⁰ См. также [Филимович 1906; Щавель 1912; Зеркало тайных наук 1911].

ство того, что их интересы наконец-то получают признание в официальной науке.

Хотя на попытки поместить оккультное в сферу науки тратилось много энергии, оккультисты также могли быть крайне критичны по отношению к научным представлениям, которые, как они утверждали, не могли объяснить наиболее значимые области человеческого существования, например конечный смысл жизни и смерти. Однако, несмотря на эту критику, оккультисты чувствовали себя глубоко оскорбленными со стороны большинства ученых, не соглашавшихся с их заключениями. Поскольку оккультисты объявляли, что они объясняют природу во всей полноте, и их поддерживали некоторые ученые, а большая часть научного сообщества относилась к ним враждебно, оккультная наука стала темой жарких дебатов в культурно влиятельных толстых журналах, порождая к себе значительный интерес со стороны популярной культуры. В результате споры об оккультной науке в публичной сфере перешли в более широкую дискуссию о том, насколько достоверна научная истина и в каком отношении она находится к современной жизни, переменчивой и неоднозначной.

Таким образом, оккультизм служил местом пересечения несовместимых дискурсов: здесь сходились вера в жизнь после смерти и наука, развлечение и формирование собственного образа, высокоинтеллектуальные споры и популярная культура. Одними из определяющих черт оккультной теории и практики оставались ее высокая приспособляемость и эклектизм [Webb 1976: 15; Faivre 2005; Pasi 2006]. Оккультисты пытались понять спиритические феномены с помощью геометрии, объяснить действие гипноза, апеллируя к электричеству или неврологии, но в то же время обращались к алхимии эпохи Возрождения, еврейской каббале, буддийскому мистицизму, христианскому богословию и кантианской философии. Заимствование разных идей, которые часто противоречили одна другой, порождали ситуацию, когда оккультизм, претендовавший, с одной стороны, на то, чтобы объединить все человеческое знание, оказывался, с другой, лишен всякой интеллектуальной состоятельности. В частности,

непонятной оставалась природа оккультных сил. С точки зрения спиритуалистов, эти силы существовали в основном вне тех, кто за ними наблюдал, то есть предполагалось, что оккультные феномены вызываются духами мертвых. Но также пропагандисты спиритуализма предполагали, что эти феномены могут быть вызваны силами, коренившимися глубоко в душах людей, посещавших сеансы [Аксаков 1910]. К концу XIX века граница между внешними и внутренними силами размывалась все больше, а представления о них делались все более туманными. Иногда современники воспринимали отсутствие точности в оккультном мышлении как проблему. В 1892 году в «Ребусе» вышла статья под названием «Значение слов, употребляемых в спиритуализме», в которой делалась попытка более строго определить основные спиритические понятия [Доктор Сириас 1892]. Однако она была обречена на провал с самого начала, поскольку статья опиралась на немецкое сочинение, в котором не принимался во внимание уже существующий опыт российских оккультистов.

Теоретическая несостоятельность и идеологическая всеядность, характерные для всего спектра оккультной теории и практики, делают почти невозможной задачей проведение четких линий между различными школами оккультной мысли. В оккультных самоучителях, к примеру, инструкции по проведению спиритических сеансов соседствовали с техниками предсказания, гипноз — с ясновидением, медитация — с толкованием снов, фольклор — с рассуждениями о четвертом измерении, но при этом здесь же рассматривались свойства корсетов и способности индийских факиров¹¹. Об эклектичности оккультизма я буду говорить особо в главе 3, когда обращусь к перемещению оккультных сил из внешнего мира в мир человеческой психики — к эволюции, которая еще более расширила сферу оккультного, присоединив к ней новые, более разнородные практики и верования.

Популярный оккультизм был эклектичен и не поддавался строгой систематизации. Хотя это можно рассматривать и как интеллектуальную слабость, именно в этом заключалась одна из

¹¹ Работой почти энциклопедического охвата было [Зеркало тайных наук 1911].

главных сил оккультизма, поскольку как раз потому оккультизм и мог восприниматься как нечто всеобъемлющее. В конце концов, предметом оккультизма было нечто «непроницаемое для обычных человеческих чувств», а также для радио, хотя это нечто, несомненно, воспринималось как реальное [Pasi 2006]. К оккультному мышлению нельзя подходить со строгой мерой академического рассуждения, если рассматривать всерьез этот предмет оккультного исследования. На рубеже XIX–XX веков большинство оккультистов оставили попытки постичь оккультизм при помощи научных теорий и вместо этого стали ценить опыт сверхъестественного именно потому, что он не поддавался рациональному осмыслению, зато вызвал к эмоциям. Оккультисты описывали, как опыт сверхъестественного провел их от механической повседневной жизни «в области сердца и чувства»¹². В этом путешествии они приобретали очень личное видение высочайшей мудрости, возвышенной любви и величайшей силы. Один ученик сказал об этом так: «Ощущая таким образом, мы чувствуем значение»¹³. Вместо того чтобы сойтись на некоем наборе абстрактных идей и общих практик, различные формы оккультного проникновения в область высшей мудрости разделяли между собой эмоциональный, а иногда и телесный опыт благоговейного ужаса и прозрения. Две техники, с помощью которых можно было достичь такого опыта, рассматриваются в главе 3: обретение гипнотической силы над другими и так называемая оккультно-ментальная молитва. Первая давала практикующим возможность влиять на себя и других, вторая — чувство принадлежности к сообществу собратьев-единомышленников. Оба упражнения открывали путь к тайной реальности и учили техникам, которые позволяли поставить себе на службу могущественные силы, действующие в этой реальности.

Другой общей чертой, которую разделяли между собой различные оккультные идеи и практики, была «общая идеология искательства» [Campbell 1972: 123], то есть упорный поиск еще

¹² ОР РНБ. Ф. 822. № 537. Л. 1.

¹³ ЦИАМ. Ф. 2355. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 30 об.

более глубокой истины, которая придаст смысл всем аспектам повседневного опыта и одолеет тривиальную повседневность, интегрировав все формы знания. Одним из последствий оккультного искательства стало постоянное расширение сферы оккультных проблем и приемов, о которых в России в начале XX века довольно открыто писали в печати¹⁴. Дешевые брошюры и журналы обещали научить читателей, «как вызвать духов», «развить в себе ясновидение» и достичь «духовного могущества» [Как устраивать 1906; Юм 1906; А-р Михайлович 1906].

На первый взгляд кажется, что массовые издания, посвященные оккультному, — это противоречие. Оккультное, если обратиться к латинской этимологии слова, означает «намеренно сокрытое», таким образом, оккультному меньше всего подобает, чтобы о нем трубили дешевые самоучители. Однако популярный оккультизм, о котором говорится в этом исследовании, был весьма публичным. В обильной печатной культуре поздней царской империи оккультное мировоззрение, которое, как утверждалось, открывалось лишь посвященным, заявляло о себе в журналах, на страницах дешевых брошюр и в газетной рекламе. Оккультная истина, которую раскрывали органы печати, конечно, не давалась в руки просто так — ее все равно нужно было искать и обрести, но она не была ни сокрыта, ни недостижима. Она пребывала под покровом, но оставалась доступна каждому, кто ее искал, а дешевые инструкции обещали научить читателей, как вести эти поиски. Оккультные знания, которые открывали такие публикации, были тайнами не в смысле недоступности, а, по словам Жака Деррида, в том смысле, что за тайной скрывается ценное открытие [Derrida 1994: 11].

Искательство могло быть индивидуальным и нацеленным на эмоциональное восприятие. Оно также могло открыто проявляться в попытках изучить и объяснить таинственное. В России эпохи поздней империи пищу для подобного анализа предоставляли «неспокойные дома»; разрушительный характер подобных происшествий привлекал к себе внимание как убежденных ок-

¹⁴ Сравнение с XX веком см. в [Campbell 1972: 128].

культистов, так и их современников, которые необязательно разделяли веру в сверхъестественное вмешательство. Этим «непокойным домам», которые посещали зеваки, патрулировала полиция, о происшествиях в которых размышляло духовенство и писали журналисты, посвящена четвертая глава. Репортажи о «непокойных домах» часто появлялись в газетах, брошюрах и журналах, знакомя рядового читателя с явлениями, принадлежавшими, казалось, иной реальности. Рассказы о чертовщине своей логикой и структурой напоминали сон, и им не удавалось дать однозначного и непротиворечивого объяснения. В дискуссиях о «неспокойных домах» проявилась основная оккультная традиция — объединения несоединимого в публичном пространстве: хотя этим происшествиям давались самые разнообразные толкования, ни одно из них не признавалось наиболее убедительным. В репортажах о чертовщине также отражалась склонность к принятию двусмысленности реальности и даже к наслаждению этой двусмысленностью: православный дискурс здесь мешался с медицинским, фольклор — с социальной проблематикой, сельский быт, внутри которого и происходили странные события, — с городской массовой культурой, изнутри коей сочинялись репортажи об этих событиях.

Дискуссии о чертовщине указывают на место оккультизма в культурном ландшафте позднеимперской России. Оккультные идеи и практики главным образом были предметом публикаций в специализированных журналах или печатных руководствах-самоучителях. Но оккультизм также занимал видное место в массовой печати, где его часто обсуждали выдающиеся деятели культуры, науки и искусства страны. Однако в массовой прессе сверхъестественные явления оставались неоднозначной темой. Некоторые газетные статьи намекали на правдоподобность спиритуалистических объяснений, но нередко авторы не высказывали однозначной позиции по этому поводу или принимали насмешливый тон, делая скептические или даже осуждающие комментарии. Таким образом, оккультизм все-таки не был полностью принят в публичной сфере, сохраняя ореол чего-то полулегального [Webb 1976: 15; Gerlitz, Jansen 1995; Laqueur 2006: 117].

В главе 5 я рассматриваю позиции тех, кто наблюдал за оккультизмом со стороны, и анализирую реакцию на него русских православных богословов. В этой главе я показываю, что теологи, как и оккультисты, воспринимали в качестве проблемы новую роль науки как наиболее авторитетной формы объяснения природы и человека. Православные авторы, как и их соотечественники-оккультисты, пытались выработать собственное отношение к индивидуализму новой эпохи, иначе осмыслить понятие бессмертия и значение чудес. Однако, несмотря на это, православных мыслителей удерживало в рамках христианское учение, и их ответы на эти вопросы оставались в русле богословской традиции. Православные писатели, в свою очередь, критиковали оккультистов за отказ от основных положений христианской веры. К примеру, они утверждали, что оккультизм не побуждал верующих стремиться к личному спасению, а кроме того, в нем отсутствовала искупительная фигура Христа. Для оккультистов и в самом деле не очень важны были божество или личные отношения с Богом. Вместо этого, как было сказано выше, они свободно смешивали различные религиозные и философские традиции. Несмотря на свое сходство с наукой и верой, оккультизм был отвергнут официальной церковью, как ересь, и осужден видными учеными за свою иррациональную природу. На оккультизм, таким образом, также влияло его место в обществе. В России времен поздней империи он находился на периферии религиозного, научного и общественного дискурса, несмотря на свою центральную роль в культуре.

Богословы и оккультисты отличались не только своими идеями, которые у первых должны были отвечать церковному учению, а у вторых ограничивались только фантазией авторов. Первые и вторые были в разной мере связаны с социальными институтами. Если православные авторы были непосредственно связаны с церковью, то интеллектуальную свободу оккультистов не сдерживала никакая организация. В отличие от религиозных общин, оккультисты не создавали ни организаций, ни пасторских служений; не было даже никакого сообщества собратьев по оккультизму, которое имело бы определенные границы. Как след-

ствие, очень трудно было установить идентичность оккультиста. Непросто было разобраться, кто здесь спиритуалист, кто гипнотизер, а кто в собственном смысле оккультист. Что касается оккультного сообщества, то движущий стимул искательства действовал в нем как центробежная сила. В поисках индивидуального опыта обретения скрытого смысла мужчины и женщины поздней царской империи вели себя как покупатели на духовном рынке; очень немногие из них были последовательно преданы только одному из многочисленных доступных учений и практик, остальные же переходили от одного к другому. Так, Прибытков и Аксаков на протяжении нескольких десятков лет оставались пламенными проповедниками спиритуализма, однако они при этом увлекались и гипнозом. Интерес Брюсова к спиритуализму тоже сохранялся в течение десятилетий, но поэт также пробовал йогу и упражнялся в медитации [Богомолов 1999: 37–42]¹⁵. Другие позже сообщали о своих интересах, вспоминая, что сочетали спиритуализм с йогой, телепатией и тренировкой гипнотических способностей [Юсупов 2001; White 2006]. Кроме того, занимаясь подобными гетеродоксальными практиками, оккультисты, как правило, утверждали, что остаются православными русскими людьми¹⁶. И если Прибытков, Аксаков и Бутлеров оставались верны своим в широком смысле этого слова оккультным убеждениям на протяжении десятков лет, то прочие их современники могли свободно браться за оккультную практику и так же свободно ее бросать.

Хотя в поздней имперской России оккультизм не смог воплотиться в организованное интеллектуальное, религиозное или социальное движение, все же он оставался особым феноменом культуры, во многом существуя в качестве культовой среды (*cultic milieu*), согласно социологу Колину Кемпбеллу. Культовая

¹⁵ Другие примеры см. в [Carlson 1993: 83–85].

¹⁶ Такое сохранение сильной православной идентичности противоречит утверждениям некоторых исследователей о том, что оккультисты порой выражали резко антихристианские взгляды [Oppenheim 1985: 67; Faivre 2005; Pasi 2006].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru